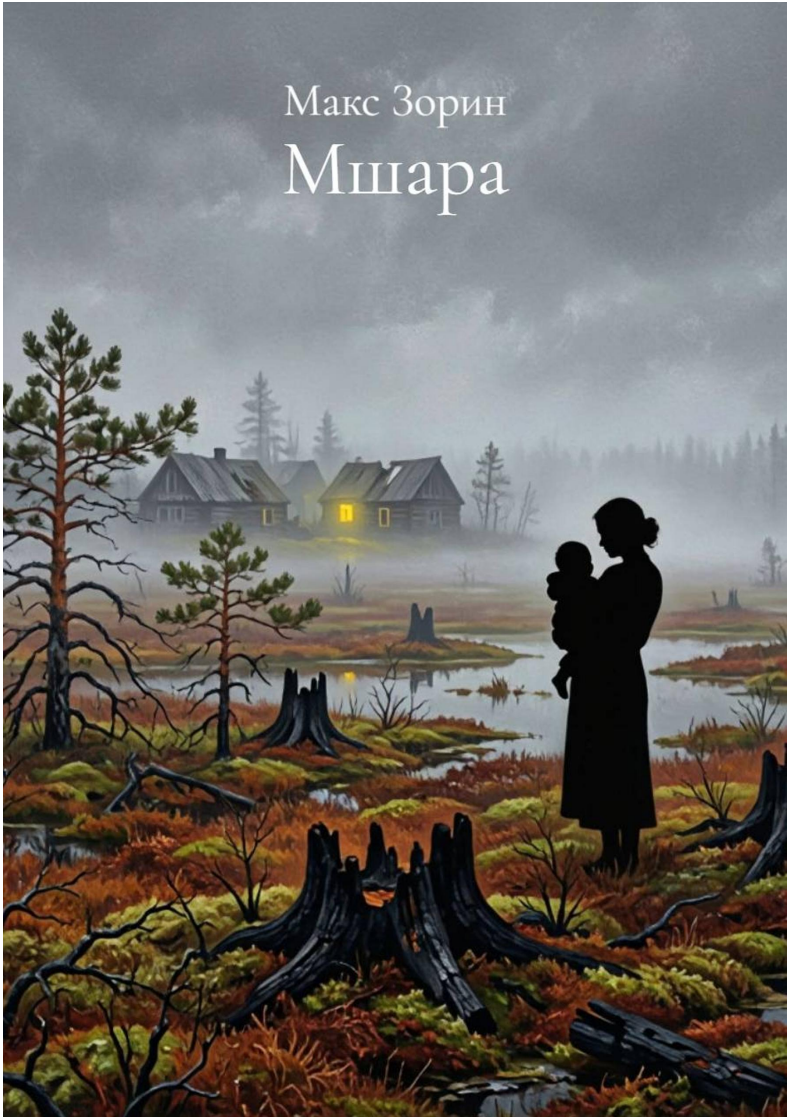
Макс Зорин

Мшара

Макс Зорин
Мшара

https://litres.ru/74723084
SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если лес забирает не тело, а душу?

Вера едет по дороге, которой нет на карте, чтобы найти мужа, пропавшего три месяца назад. Старуха-жрица, мёртвая деревня и ребёнок с глазами леса. Мистика, от которой стынет кровь. Прочитайте — и не оглядывайтесь.

Макс Зорин
Мшара

«Мшара» (разговорное название мшистого болота)

Часть 1. Дорога, которой нет на карте

Дорога закончилась внезапно — как обрывается разговор, когда собеседник понимает, что сказал лишнее. Ещё минуту назад под колёсами «Нивы» хрустел щебень, ещё минуту назад по обочинам стояли сосны с подтёками смолы, похожими на застывшие слёзы, а потом щебень кончился, и машина носом уткнулась в стену мшары — низкой, бесконечной, поросшей багульником и клюквой.

В машине сидели трое. Женщина с короткой стрижкой и слишком дорогим для этих мест пуховиком — её звали Вера. Её брат Дима, молчаливый, с наушниками на шее, которые он так и не надел за всю дорогу. И старуха, которую все называли «баба Нюра», хотя она не была ничьей бабушкой — просто так сложилось в деревне, куда они ехали.

Дима вышел первым. Он не выругался. Он просто стоял и смотрел на мшару так, как смотрят на человека, которого давно подозревали, но наконец поймали за руку.

— Дальше пешком, — сказал он. — Или назад.

Вера вышла из машины и почувствовала, как холод пробирается сквозь подошву кроссовок. Болото дышало. Не метафорически — оно действительно дышало: под слоем мха

что-то шевелилось, чавкало, пускало пузыри с запахом гнию-щей травы и ржавого железа. Она посмотрела на телефон. Сигнала не было. И не было его уже двадцать минут — с того момента, как они свернули с трассы на эту лесную дорогу, которую баба Нюра называла «прямой».

— Прямой, — повторила Вера, ни к кому не обращаясь. — Прямой, но не на карте.

Баба Нюра усмехнулась из машины — коротко, беззвуч-но, одними губами. У неё были глаза цвета выцветшей джин-сы и руки, покрытые татуировками, которые в её возрасте уже не читались — расплылись в сине-зелёные пятна. Она всю дорогу молчала, но сейчас сказала:

— На карте, может, и нет. А на памяти — есть. Я по ней девкой ходила.

Вера хотела спросить, куда именно они идут и зачем, но не стала. Она знала, что баба Нюра не ответит прямо. Она вообще редко отвечала прямо — как будто слова давались ей с трудом, как будто каждое сказанное слово она вынимала из себя, как гвоздь из старой доски.

Дима вышел последним. Он не смотрел ни на мшару, ни на бабу Нюру. Он смотрел на Веру.

— Мы могли просто поехать на кладбище, — сказал он тихо. — Обычное кладбище. Обычные венки. Обычные слё-зы.

Вера не ответила. Она думала о том, что брат прав и что она всё равно не могла по-другому. Потому что обычное

кладбище — это для тех, кто умер. А Лёша не умер. Лёша пропал.

Три месяца назад её муж, Алексей, поехал в эти края — «на рыбалку, на неделю, максимум на две». Он прислал одну фотографию: озеро, туман, удочка на фоне серого неба. А потом перестал выходить на связь. Полиция искала его две недели, потом дело закрыли — «несчастный случай, вероятно, утонул, тело не найдено». Вера не поверила. Не потому, что у неё были доказательства, а потому, что у неё было предчувствие. Она знала, что Лёша не мог утонуть в озере, которое сам называл «лужей». Он вырос на Байкале. Он умел читать воду так, как другие читают газеты.

Баба Нюра согласилась поехать с ней только после того, как Вера показала ей ту самую фотографию.

Старуха долго смотрела на снимок, потом провела пальцем по экрану — там, где на заднем плане, за озером, угадывалась тёмная полоса леса.

— Это Мшара, — сказала она. — И озеро это — Чёрное. Только оно не на всех картах есть. И люди там не живут. И рыба там не водится.

— А кто водится? — спросила тогда Вера.

Баба Нюра не ответила. Она просто посмотрела на неё так, как смотрят на человека, который задал правильный вопрос, но ещё не готов услышать ответ.

Сейчас, стоя на краю мшары, Вера впервые за три месяца почувствовала что-то кроме горя. Это было раздражение.

Злое, горячее, неудобное раздражение на весь мир: на брата, который считает её сумасшедшей; на бабу Нюру, которая играет в загадочную старуху; на Лёшу, который вообще-то мог бы и позвонить, если он жив.

— Идём, — сказала баба Нюра и первой ступила на мох.

Она шла легко, не проваливаясь, как будто мшара знала её и держала под ногами твёрдую землю. Вера шла следом, и каждый шаг отдавался в коленях тупой болью. Дима замыкал шествие, и Вера слышала, как он бормочет под нос:

— Это бред. Это полный бред. Мы идём в лес по болоту, чтобы найти человека, который, скорее всего, просто сбежал от тебя, Вера. Просто сбежал. Люди так делают.

Она не обернулась. Потому что если бы обернулась, то, возможно, ударила бы его. Или заплакала. Или и то и другое.

Мшара тянулась на километры — плоская, как стол, покрытая низкорослой сосной, которую здесь называли «карелкой». Местами из мха торчали чёрные пни, обгоревшие много лет назад, и Вера подумала: «Здесь был пожар. И никто не тушил. Потому что некому».

Через час баба Нюра остановилась и показала рукой вперёд.

— Вон там, — сказала она. — Деревня. Гарь.

Вера прищурилась. Сначала она не увидела ничего, кроме всё той же мшары. Но потом, когда глаза привыкли, разглядела серые крыши — три или четыре, вросшие в землю, с провалившимися скатами. Дым над ними не шёл. И не было

слышно ни собак, ни петухов, ни людей. Только ветер шуршал по мху и где-то далеко, очень далеко, кричала птица — один раз, коротко, как будто подавилась.

— Там кто-то живёт? — спросил Дима, и в его голосе впервые за всё утро не было сарказма.

Баба Нюра пошла быстрее.

— Раньше жили, — сказала она. — Теперь не знаю.

Она не обернулась, но Вера готова была поклясться, что старуха улыбнулась.

Гарь оказалась не деревней, а тем, что от неё осталось. Пепелище. Дома стояли без стёкол, с дверями, распахнутыми в темноту, как рты. На крыльце одного из них, на уцелевшей половице, лежал детский валенок — маленький, серый, с заплаткой на носке. Вера отвела взгляд.

— Лёша? — позвала она, и её голос прозвучал глупо и жалко.

Никто не ответил. Только ветер хлопнул ставнем где-то в глубине деревни — резко, как выстрел.

Баба Нюра подошла к колодцу, заглянула в него и долго молчала. Потом сказала, не поворачиваясь:

— Спускайся.

— Кто? — не поняла Вера.

— Ты. Спускайся в колодец. Там твой муж.

Вера почувствовала, как земля уходит из-под ног — не метафорически, а буквально: мох под кроссовками просел, и она оступилась, схватившись за сруб. Колодец был глубокий,

тёмный, и оттуда пахло не водой, а чем-то другим — сыростью и чем-то сладковатым, как от застоявшегося варенья.

— Ты сошла с ума, — сказал Дима. — Она сошла с ума, Вера. Поехали отсюда.

Но Вера уже смотрела вниз. И в темноте, на самом дне, она увидела что-то белое — маленькое, прямоугольное. Телефон. Экран треснул, но когда она, не думая, набрала номер Лёши, из колодца донёсся слабый, приглушённый звонок.

Баба Нюра стояла рядом и смотрела на неё сверху вниз — не с жалостью и не с торжеством. С чем-то третьим. С чем-то, для чего у Веры не было слова.

— Он не в колодце, — сказала старуха. — Он под ним. Там ход. Иди. И не оглядывайся, когда найдёшь.

Вера посмотрела на брата. Дима молчал, и его лицо было серым, как мох под ногами.

— Я не могу, — сказала она.

— Можешь, — ответила баба Нюра. — Ты уже здесь. Значит, можешь.

И Вера полезла вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.